

На правах рукописи

БАССЕЛЬ АЛЕКСАНДРА ВИКТОРОВНА

**О. Э. МАНДЕЛЬШТАМ И М. БАРТЕЛЬ:
СБОРНИК «ЗАВОЮЕМ МИР!»
КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2017

Работа выполнена в Школе филологии факультета гуманитарных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Научный руководитель: **Пенская Елена Наумовна**

доктор филологических наук, профессор,
руководитель Школы филологии факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Официальные оппоненты: **Орлицкий Юрий Борисович**

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института филологии и истории ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Черашняя Дора Израилевна

кандидат филологических наук, доцент
Института языка и литературы
ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Уральский**

государственный педагогический университет»

Защита состоится 28 марта 2017 года в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.09 при ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд. 221.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке (426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4Б) и на сайте ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»: <http://lib.udsu.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н. Г. Медведева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертация посвящена исследованию сборника «Завоюем мир!» как целостного феномена, самостоятельно составленного О. Э. Мандельштамом из переведенных им стихотворений М. Бартеля. В переводах Мандельштама просматриваются общие закономерности – образные, смысловые, ритмические. Большинство из них характерны и для оригинальной художественной системы поэта. В данном исследовании мы рассматриваем книгу «Завоюем мир!» как составную часть творчества Мандельштама.

Объект исследования – переводы О. Э. Мандельштама из М. Бартеля, их связь с творчеством русского поэта, а также социокультурной и литературной ситуацией 1920-х гг.

Предмет исследования – поэтические принципы О. Э. Мандельштама-переводчика, проявляющиеся в сборнике «Завоюем мир!», особенности построения и внутренней организации книги стихов как поэтического целого, связь переводов из М. Бартеля с оригинальной поэзией Мандельштама.

Степень научной разработки проблемы.

Основное внимание исследователей, как правило, сосредотачивалось на оригинальных поэтических и прозаических произведениях Мандельштама. Творчество 1920-х гг. изучалось С. С. Аверинцевым, М. Л. Гаспаровым, Ю. И. Левиным, О. А. Лекмановым, О. Роненом, И. З. Сураг, К. Ф. Тарановским, Е. А. Тоддесом, Д. И. Черашней и др. Однако переводы почти никогда не входили в основной корпус текстов поэта, что подтверждает состав собраний сочинений Мандельштама. Из шести собраний сочинений Мандельштама, изданных с 1955 г., полностью тексты сборника «Завоюем мир!» представлены только в двух: однотомнике под редакцией С. В. Василенко и Ю. Л. Фрейдина (1992) и четырехтомнике, подготовленном П. Нерлером и А. Никитаевым (1993–1999). В более позднем собрании сочинений, составленном А. Г. Мецем (2009–2014), они присутствуют не в полном объеме (19 стихотворений из 50). В издании серии «Новая библиотека поэта» (1995) также представлено всего 19 стихотворений.

В мандельштамоведении сложилась определенная тенденция интерпретации переводов как текстов периферийных, вторичных, не заслуживающих пристального изучения. Этому способствовала резкая оценка Н. Я. Мандельштам, считавшей, что переводы поэта – это вынужденная поденщина, не имеющая с истинным творчеством ничего общего. Отчасти поэтому систематически и последовательно переводы не изучались. Наиболее сильным исключением стали сонеты Ф. Петрарки, переводам которых была посвящена программная статья И. М. Семенко, дополненная поздними работами Д. Муредду, Т. Венцловы, М. Л. Гаспарова, Г. А. Левинтона и Л. Г. Пановой. Благодаря интересу исследователей к личности грузинского поэта Важи Пшавелы, комментаторское внимание привлек к себе перевод фрагмента поэмы «Гоготур и Апшина», изучавшийся А. С. Цыбулевским, Г. Агасовым, И. Богомоловым и Д. Рейфилдом. Переводы Мандельштама из старофранцузского эпоса исследовали А. Д. Михайлов, Ф. Б. Успенский, перевод новеллы «Фридолин» А. Шницлера – С. Симонек, о переводе неаполитанских песенок писал С. Гардзонио, о переводе отрывка из пьесы Ж. Романа – Ю. Л. Фрейдин.

Сборник «Завоюем мир!» заслуживает особого внимания: он является единственной поэтической книгой, составленной и полностью переведенной Мандельштамом. В 1960-е – 1980-е гг. отношение к этим переводам было скептическим: их политический характер не находил адекватных эстетических интерпретаций, и они получали односторонние оценки. Так, в собрании сочинений Мандельштама, изданном в 1964–1969 гг. под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, утверждалось, что книга «Завоюем мир!» переведена поэтом «только для заработка, не представляет собой никакого интереса, ни художественного, ни “документального”»¹. Бартелевские переводы «выпадали» из общей системы интерпретационных координат, обусловленных не в последнюю очередь идеологическими установками. Ситуация изменилась во многом благодаря публикации мемуаров Э. Г. Герштейн и работам

¹ Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. / О. Э. Мандельштам – New York: Inter-Language Literary Associates, 1964. – С. 564.

М. Л. Гаспарова, посвященным поздней гражданской лирике Мандельштама. Они раскрывали сложность его эстетики и поэтической системы, складывавшейся уже в 1920-е гг.

Для немецких исследователей тоже долгое время табуировалось изучение творчества Бартеля и его европейской, в том числе советской рецепции. Причина тому – изменение политической позиции Бартеля, близость к национал-социалистам после их победы, обусловившая обвинения в оппортунизме и приспособленчестве и препятствовавшая объективному прочтению его ранних сочинений. Более того, на территории ГДР впоследствии некоторые книги Бартеля были запрещены.

Во второй половине 1980-х гг. произошел поворот к изучению «второстепенных текстов» Мандельштама, которые стали обсуждаться как контекст для магистральных линий развития оригинальной мандельштамовской поэзии, что отчетливо показал О. Ронен.

Первая подробная характеристика сборника «Завоюем мир!» и его связей с «большим» творчеством Мандельштама принадлежит А. Григорьеву <А. Г. Мецу> и Н. Петровой <В. Н. Сажину>. В 1986 г. А. Г. Мец опубликовал несколько мандельштамовских переводов из сборника «Завоюем мир!» и, развивая положения статьи «Григорьева и Петровой», подчеркивал, что «из лаборатории переводов этих лет тянутся нити к его [Мандельштама. – А. Б.] собственным стихам»².

В 1991 г. появилась работа немецкого слависта Х. Мейера, полностью посвященная сборнику «Завоюем мир!», в которой исследователь предпринял еще одну попытку пересмотреть значение переводов из Бартеля для творчества Мандельштама. Аргументируя необходимость комплексного изучения этих переводов, Мейер напомнил, что они имеют как минимум документальную, биографическую ценность, и показал, что обсуждаемые тексты не были идеологически чужды Мандельштаму. Основную часть своего исследования

² Мандельштам О. Э. Из М. Бартеля / Подгот. текста и вступ. заметка А. Меца // Ленинградский рабочий. – 1986. – 26 декабря. – С. 13.

Мейер посвятил анализу переводческих стратегий Манделъштама на примере пяти вошедших в сборник стихотворений.

Важность обращения к таким «второплановым» текстам как переводы из Бартеля была отмечена К. М. Азадовским в рецензии на работу Мейера. Он считал, что ученым необходимо «углубиться в текст исследуемых переводов с тем, чтобы опознать и выявить в них приметы “чисто манделъштамовского” стиля, увидеть его неповторимый творческий почерк»³. Эта задача отчасти была решена в работе Г. Киршбаума, посвященной истокам и особенностям немецкой темы в поэзии Манделъштама. В монографии исследователь рассмотрел предисловие к сборнику «Завоюем мир!», его композицию, выявил контексты и подтексты отдельных стихотворений, проанализировал особенности стиля переводов Манделъштама из Бартеля.

Тем не менее обстоятельного концептуального историко-литературного осмысления сборник «Завоюем мир!» до сих пор не получил, и лакуна в изучении материала, связанного с рассмотрением всей книги переводов как литературного единства, очевидна.

Книга Манделъштама составлена из стихотворений, входящих в семь разных поэтических сборников Бартеля. Отбором текстов и их компоновкой русский поэт занимался самостоятельно, что следует из договора Манделъштама с Ленгизом (ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 1. № 51. Л. 19–19 об.). Это дает нам право видеть воплощение творческого замысла уже в самой структуре сборника, также до сих пор остающейся не вполне изученной.

Недостаточно обсуждался и вопрос о положении Манделъштама-переводчика и месте его сборника переводов в контексте литературной эпохи конца 1910-х – середины 1920-х гг.

Как известно, в это время актуализируются споры о кодификации требований, предъявляемых к переводному тексту, крупнейшие литераторы

³ Азадовский, К. М. Осип Манделъштам и Макс Бартель / К. М. Азадовский // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 275.

старшего поколения оказываются вовлечены в процесс перевода зарубежной классики и современной литературы.

Таким образом, **цель** нашего **исследования** – комплексный анализ сборника «Завоюем мир!» в историко-культурном и литературном контексте эпохи.

Поставленная цель определяет ряд конкретных задач, решаемых в работе:

1. Реконструировать биографические обстоятельства и социокультурные импульсы, побудившие Мандельштама взяться за перевод сборника «Завоюем мир!».
2. Описать поэтику сборника переводов «Завоюем мир!» в контексте переводческих дискуссий 1920-х гг. и рецепции творчества Макса Бартеля в Советской России.
3. Проанализировать художественные принципы Мандельштама в работе над сборником М. Бартеля «Завоюем мир!».
4. Рассмотреть сборник «Завоюем мир!» как целостный поэтический текст, связанный с оригинальной лирикой Мандельштама.

Материалом для диссертации в первую очередь послужили сборник «Завоюем мир!», семь сборников стихов Бартеля, из которых Мандельштам брал тексты для перевода («Freiheit! Neue Gedichte aus dem Kriege» (1917), «Revolutionäre Gedichte» (1921), «Utopia. Gedichte» (1920), «Die Faust. Dichtung» (1920), «Lasset uns die Welt gewinnen» (1920), «Arbeiterseele. Verse von Fabrik, Landstraße, Wanderschaft, Krieg und Revolution» (1920), «Überfluß des Herzens» (1924)), лирика самого Мандельштама, а также русская поэзия XIX-XX вв. – в первую очередь, Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Пастернака, реминисценции из произведений которых наиболее полно проявились в сборнике „Завоюем мир!“. Жизненный путь Бартеля и восприятие его фигуры в Советской России и Германии восстановлены по автобиографии Макса Бартеля и биографии, написанной его сыном; привлекался также и ряд иных документов. Историко-литературный контекст реконструирован на основе анализа широкого пласта немецкой и советской периодики, с привлечением архивных источников, не

введенных до сих пор в научный оборот (РГАЛИ и ЦГАЛИ СПб.). Используются данные картотеки переводов мировой художественной литературы А. Д. Умирян (РНБ).

Методологическая основа диссертации определяется многозадачностью исследования. Для решения поставленных проблем привлекался соответствующий филологический инструментарий. При реконструкции литературных контекстов и проведении биографических изысканий применяется историко-литературный метод; при сопоставлении оригинальных стихотворений с переводными – компаративный подход. Обращение к контекстно-подтекстному методу Тарановского-Ронена помогло проследить связи переводов с русской литературой и определить их место в творчестве Мандельштама. На нашу работу оказало влияние представление о поэтике Мандельштама как о семантической парадигме, предложенное в статье Ю. И. Левина, Д. М. Сегала, Р. Д. Тименчика, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян. При выборе методики исследования мы ориентировались на принципы, положенные в основу работ Х. Мейера и Г. Киршбаума. Также большое значение для нашей диссертации имели труды крупных специалистов по поэтике Серебряного века в целом и Мандельштама в частности – И. М. Семенко, С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, И. З. Сурач, О. А. Лекманова.

Научная новизна. Сборник переводов Мандельштама из Бартеля «Завоюем мир!» впервые исследуется комплексно и системно. Предложены новые подходы к построению классификации переводческих стратегий Мандельштама. Часть немецких источников в данном ракурсе рассматриваются впервые. Нам удалось обнаружить четыре ранее не найденных соответствия переводов Мандельштама оригинальным стихотворениям Бартеля. Кроме того, в работе используется ряд архивных и газетных материалов, которые впервые привлекаются к проблемам мандельштамоведения. В частности с их помощью были восстановлены некоторые фрагменты биографии Макса Бартеля и история восприятия его личности в Советской России.

Актуальность исследования обеспечивается его включенностью в современную научную проблематику, предполагающую решение задач, поставленных мандельштамоведением в последние годы в связи с подготовкой нового собрания сочинений и созданием Мандельштамовской энциклопедии. Высокий уровень изученности основного корпуса текстов Мандельштама усиливает интерес к переводам и их связям с оригинальным творчеством поэта.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Научно-практическая значимость исследования выражается в возможности использовать его результаты в подготовке комментариев к собраниям сочинений Мандельштама, в работе над статьями Мандельштамовской энциклопедии, а также в лекционных курсах и спецсеминарах по русской и немецкой литературе, истории и теории перевода, сравнительному литературоведению.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ситуация, сложившаяся в литературной среде 1920-х гг., вынуждала Мандельштама заниматься переводами. Обращение к стихотворениям Бартеля было связано с популярностью немецкой революционной поэзии в целом и бартелевского творчества в частности на фоне интенсивного советско-германского культурообмена, с одной стороны, и с посредничеством Карла Радека, с другой.

2. Для Мандельштама перевод стихотворений Бартеля в переломной момент истории страны и личной биографии становится способом описать в лирической форме крушение исторического времени. Переводя стихи пролетарского поэта, написанные на чуждом для себя языке образов новой эпохи, Мандельштам, с одной стороны, подключается к советскому дискурсу, а с другой, пытается внутри него установить связи с дореволюционной культурой, насыщая тексты отсылками к классической русской литературе.

3. Сборник «Завоюем мир!» становится единым художественным целым благодаря своей выверенной структуре. Работая над составлением книги

переводов, Мандельштам производит отбор стихотворений и выстраивает их в рамках сборника таким образом, что они объединяются в ряд тематических линий: революционную, военную, рабочую, тюремную и любовную. Совокупность этих линий создает образ эпохи слома, в которой исторические события вытесняют частные переживания. В каждой из тематических линий звучат лирические голоса, разносторонне интерпретирующие происходящие события. Единство сборника также обеспечивают «сшивающие» книгу ключевые образы: леса, руки, птичьей стаи, сна, весны и хлеба. При переводе Мандельштам зачастую добавляет их даже в те стихотворения Бартеля, где они отсутствуют. Каждый из ключевых образов играет важную роль в центральной тематической линии – революционной, большинство из них входит и в другие линии сборника.

4. При сопоставлении оригиналов Бартеля с переводами Мандельштама выделяется ряд тенденций: усложнение и обогащение бартелевской образности, усиление «коммунистической» и «пролетарской» образности, трансформация библейской образности, русификация переводного текста и насыщение переводных текстов собственной образностью.

5. Мандельштамовские принципы компоновки и перевода сборника обусловлены, во-первых, влиянием его собственной художественной системы, во-вторых, пониманием задач, стоящих перед переводчиком, и, в-третьих, общими переводческими установками, характерными для 1920-х гг., и вопросами о переводе, обсуждавшимися в литературной среде.

Апробация работы. Тема диссертации была утверждена академическим советом Школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Основные результаты исследования были представлены на всероссийских и международных, в том числе зарубежных семинарах и конференциях в период с 2014 по 2016 гг.: в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (конференции для молодых исследователей «Литература: история, теория, компаративистика», «Русская литература в компаративной перспективе»), Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова (V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык:

исторические судьбы и современность», Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2014», «Ломоносов 2015»), Доме русского зарубежья им. А. Солженицына («Мировая мандельштамиана: переводы и рецепция»), Софийском университете им. Св. Климента Охридского (Первый международный филологический форум для студентов и аспирантов) и Геттингенском университете им. Георга-Августа (конференция «Russische und deutsche Literatur im Dialog»). По теме диссертации сделано 6 публикаций, в том числе 5 в журналах, входящих в перечень ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** описана степень изученности темы диссертации, дано обоснование ее актуальности, новизны и научной значимости, определены объект, предмет и методология исследования, поставлены цели и задачи работы.

В первой главе («Мандельштам и Бартель. Переводы Мандельштама 1920-х гг.: авторская стратегия и литературный контекст») реконструирован историко-литературный и художественный контекст, на фоне которого в последующих главах рассматриваются переводы Мандельштама из Бартеля.

В первом параграфе («Проблема перевода в культуре Советской России: 1918-1925 гг.») дается краткая характеристика переводческой программы, сформулированной сотрудниками издательства «Всемирная литература». Попытка регламентации работы переводчика была произведена в статьях Н. С. Гумилева, К. И. Чуковского и Ф. Д. Батюшкова. Их концепция перевода в корне отличалась от переводческих принципов, характерных для Серебряного века, когда иноязычное произведение зачастую воспринималось как повод для свободной художественной авторефлексии. Члены редколлегии «Всемирной литературы» рассматривали перевод как синтез литературного искусства и филологической науки. В качестве главного критерия качества перевода выдвигалась его максимальная близость иноязычному тексту на уровне содержания и формы.

Во втором параграфе («Мандельштам-переводчик. Поэтика и творческие установки») сравниваются теоретические размышления

Мандельштама о переводе и их воплощение на практике. В своих статьях («Жак родился и умер», «О переводах», «Потоки халтуры») Мандельштам подчеркивает важность работы переводчика, формирующего у массового читателя представление о западной литературе, а также художественные вкусы. Поэт подвергает критике новые условия бытования литературы, сказывающиеся на качестве выходящих переводов и способствующие появлению «халтуры». Академизм, точность, ненужная тщательность воспринимаются Мандельштамом как насилие над природой текста, оказавшегося в новой культурной среде. В качестве основного критерия качества перевода Мандельштам выделяет «усвоение переведенной вещи русской литературой». Переводчик должен выступать в роли адаптатора, комментатора и «могучего толкователя автора». Таким образом, Мандельштам настаивает на создании «самостоятельного речевого строя на основе чужого материала». Со стороны поэта такая позиция становится вызовом формирующейся традиции точного перевода.

С 1923 г. переводы становятся для Мандельштама едва ли не единственным способом заработка. Несмотря на равнодушные размышления поэта о природе перевода, к собственным переводам он относится довольно сдержанно. Большинство из них были «работой ради денег», которая мешала «работе для себя». Ю. Л. Фрейдин составил типологию мандельштамовских переводов, в которой выделил группу переводов, созданных по внутренней потребности поэта, и группу «договорных» переводов, которые в большинстве своем были Мандельштаму малоинтересны. Но и среди «договорных» переводов есть тексты, используемые Мандельштамом как запасной речевой ресурс для тех случаев, когда он не мог высказаться напрямую в собственной лирике. К их числу относятся переводы с революционной, пролетарской, классовой тематикой, среди них и сборник «Завоюем мир!».

Таким образом, переводы из Бартеля в ряду мандельштамовских переводов занимают промежуточное положение: с одной стороны, это заказная работа, с другой же, в ней проступает подлинный поэтический интерес.

Выбор в середине 1920-х гг. революционной немецкой поэзии для перевода вполне объясняется ее популярностью. Свою роль сыграло и знание Мандельштамом немецкого языка, которое избавляло его от необходимости обращаться к подстрочнику.

В третьем параграфе («Восприятие и перевод современной немецкой лирики в Советской России 1920-х гг.») описывается влияние интенсивного советско-германского культурообмена на литературный процесс 1920-х гг. Лирика германских поэтов становится обязательной составляющей советских антологий современной западной поэзии. В предисловиях и критических статьях большинство переводимых авторов характеризуют как экспрессионистов. В качестве главных черт экспрессионистической поэзии выделяют радикализм чувств, отказ от принципа «искусство для искусства», революционную тематику (благодаря которой эта поэзия была особенно привлекательна для перевода в 1920-е гг.). Содержательный отбор поэтических текстов для переводов определялся маркированными темами: позитивной оценкой революции 1917 г. и послеоктябрьских событий. Бартель был в числе особенно популярных в Советской России немецких авторов. Его переводили В. Я. Брюсов, В. Нейштадт, А. М. Эфрос, С. С. Заяицкий, Л. Е. Остроумова, Ю. Эйгер, И. Хвас, Ю. Лялина, Г. Якобсон и др.

В четвертом параграфе («Путь Мандельштама к сочинениям Бартеля») обосновывается гипотеза о влиянии Карла Радека на выбор Мандельштамом текстов Бартеля для перевода. Стихотворение «Петербург», перевод которого открывает сборник «Завоюем мир!», было написано Бартелем в ответ на просьбу заключенного в тюрьме Радека выразить его переживания за революционный Петроград в художественной форме. При сопоставлении текста письма Радека и стихотворения Бартеля выявляются множественные дословные совпадения. Именно Радек пригласил Бартеля приехать в 1920 г. в Петроград на Конгресс Коммунистического интернационала. Несложно предположить, что Радек был лично заинтересован в переводе стихов немецкого поэта на русский язык. С Мандельштамом Радека связывали общие знакомые (Н. И. Бухарин, Л. М.

Рейснер), а также литературная работа над брошюрой «За кулисами французской печати», почти что параллельная переводам для «Завоюем мир!». Выстраиваемая цепочка взаимоотношений позволяет предположить, что Мандельштам, в середине 1920-х гг. ищущий заказы на переводы, взялся за перевод сборника «Завоюем мир!» с подачи Радека.

В пятом параграфе («Макс Бартель. Поэтическая биография в компаративном освещении: немецкие и русские источники») проанализирован творческий путь Бартеля и причины зарождения советского мифа о нем как о пролетарском поэте, правильно понимающем и поддерживающем Октябрьскую революцию. Пацифистские отзывы о Первой мировой войне, членство в радикальной коммунистической группировке «Союз Спартак», участие в Ноябрьской революции, поездки в СССР, сближение с советскими партийными функционерами – все это работало на создание поэтической и политической репутации. Мандельштам берется за перевод «Завоюем мир!» на пике популярности бартелевского творчества. Он воспринимает Бартеля как автора, созданного «исторической необходимостью». По мнению Мандельштама, признание и известность Бартеля объясняются не столько его поэтическим даром, сколько умением выразить настроения масс.

Вторая глава («Поэтический синтез в сборнике «Завоюем мир!»)» описывает организацию сборника «Завоюем мир!» на макроуровне.

В первом параграфе («История публикации и критическая рецепция сборника «Завоюем мир!») воспроизводится фактологическая история публикации книги переводов и проанализированы рецензии на нее: сотрудника журнала «Книгоноша» И. Гагена, пролетарского критика, специалиста по рабочей литературе Германии А. Я. Запровской и детского переводчика М. А. Гершензона. Положительная оценка дана только в первом отзыве, где большее внимание уделяется лирике самого Бартеля, а не переводам Мандельштама. Другие же два носят критический характер. Запровская с идеологических позиций, Гершензон с переводческих осуждают Мандельштама за неточность перевода оригинального текста, искажающего революционное начало бартелевской лирики.

Во **втором параграфе («Целостная структура сборника «Завоюем мир!»)** охарактеризован состав книги. Мандельштам берет 50 текстов из 7 разных сборников Бартеля (первый из которых вышел в 1917 г., а последний в 1924 г.), тематически посвященных революционным призывам, осуждению войны и описанию тягот пролетарской жизни. Нам удалось найти 4 ранее не выявленных бартелевских оригинала к переводам Мандельштама. („Die Vögel“ – «Птицы», „Der Mond“ – „Тюремные братья в весенние дни...“, „Moskau“ – „DOROGAYA“, „Karl Liebknecht“ – „Карл Либкнехт“). Тем самым мы завершили работу, начатую Мейером, составившим сопоставительную таблицу переводов Мандельштама и стихов Бартеля. Мейер в своих поисках не учел, что сборник “*Revolutionäre Gedichte*” издавался дважды: в 1919 г. и в 1921 г. Мандельштам пользовался вторым расширенным изданием, Мейер же принимал во внимание только первое.

В **третьем параграфе («Принципы смыслового объединения в заголовочном комплексе сборника «Завоюем мир!»)** охарактеризована поэтика заглавий и рассмотрено соотношение названий стихотворений Бартеля и переводов Мандельштама. Поэт в 70% случаев не сохраняет бартелевские заглавия, снимая или же меняя их. Для художественной системы Мандельштама в целом характерно отсутствие названий у стихотворений. В его оригинальных сборниках это уплотняет межтекстовые связи внутри книги стихов: этот же принцип переносится и на сборник переводов. Меняя название текста, Мандельштам почти каждый раз смещает смысловой акцент исходного стихотворения. К примеру, вынося в заглавие стихотворения „Moskau“ слово „DOROGAYA“, рефреном повторяющееся в тексте, Мандельштам сосредотачивает внимание на том, что город увиден глазами иностранца, не владеющего русским языком и невпопад произносящим только что услышанное слово. Сохраняет заглавия Мандельштам в тех случаях, когда с их помощью он привлекает внимание читателя к ключевому образу или мотиву книги („Die Vögel“ – «Птицы», „Der Wald“ – «Лес» и т.д.).

В **четвертом параграфе («Метрико-строфическое разнообразие сборника «Завоюем мир!»)** сравниваются метрическая, строфическая

организация и схема рифмовки текстов Бартеля и Мандельштама. При переводе бартелевских текстов Мандельштам стремится сохранить формальные особенности оригинала. Это особенно заметно при анализе случаев сложной организации немецких стихотворений и их передачи русским поэтом. Бартелевские переводы в своей массе оказываются метрически богаче и разнообразнее, чем оригинальная лирика Мандельштама 1921-1925 гг. В общих чертах количественное соотношение текстов, написанных разными размерами, соответствует художественной системе Мандельштама.

В пятом параграфе рассмотрены основные **тематические линии** **сборника «Завоюем мир!»**, их развитие, функции и соотношение друг с другом. В книге планомерно разворачиваются пять линий (революционная, военная, рабочая, тюремная и любовная). Они, переплетаясь между собой, образуют единство, в котором оказываются слиты разные точки зрения на исторические события. В этом многоголосии отражена эпоха слома, описанию которой посвящен сборник. Почти все тематические линии берут начало в первом стихотворении книги «Петербург» и находят завершение в последнем «Карл Либкнехт».

В качестве примера рассмотрим центральную линию сборника – революционную. По объему она значительно превышает остальные: революционная образность присутствует в 26 стихотворениях из 50. Она условно делится на две части, зеркально повторяющие друг друга. В каждой из них присутствуют следующие лирические блоки. Во-первых, это ряд текстов о необходимости перемен, подсказанной не только положением рабочих, но и естественным устройством мироздания, в котором нет насилия («Кто я? Вольный бродяга я...», «Птицы», «Мой шаг звучит...» и др.). Во-вторых, это стихотворения, посвященные описанию чувств, мыслей и мечтаний революционеров («Если мы уж собрались...», «Любы мне глыбы больших достижений...», «Кулак» и др.). В-третьих, это ряд текстов, эмоционально пропитанных уверенностью в скорой победе («Военная песня», «Когда мы шагаем в центральные кварталы...», «Пробуждение города» и др.). В-четвертых,

это тексты, рисующие образ революционера-рабочего («Деятель», «Баррикада» и др.). В-пятых, это стихотворения-призывы к достижению желанной победы («Завоюем мир!», «Призыв» и др.). Первая часть завершается срединным стихотворением сборника «Сводка», где фрагментарно описывается неудачная попытка восстания, вторая же завершается последним стихотворением «Карл Либкнехт» о гибели революционного лидера. Поэтические книги Бартеля обыкновенно заканчиваются текстами, в которых слышится надежда на победу революции, Мандельштам же делает финальными два стихотворения («Мученики» и «Карл Либкнехт»), обнажающие ее жестокость и обреченность исхода.

Внутри революционной линии стихотворения связаны не только общей сюжетной канвой, но и системой лейтмотивов. В некоторые переводы Мандельштам добавляет образы, отсутствующие у Бартеля, но значимые для тематической линии. Так, в стихотворении «Мученики» возникает вне связи с оригиналом образ купола («Aus dem unendlichen Himmel des Sehnsucht...» [«С бесконечного неба тоски...»] – «С необъятного купола, где роятся желанья...»). В рамках сборника этот образ отсылает к стихотворению «Любы мне глыбы больших достижений...», где рисуется воплощенная мечта революционера, идеальный мир: «Под купол твой лазорево-громовый / Челн современника скользит...». В «Мучениках» с помощью образа купола вводится мотив недостижимости мира, к которому стремятся революционеры.

Остальные линии сборника – военная, рабочая, тюремная и любовная – обрамляют линию взлета и провала революционного движения и создают исторический, бытовой и эмоциональный фон для ее восприятия. Особую роль играет любовная линия, встраивающаяся в каждую из вышеперечисленных и придающая им личностное звучание. Благодаря ей, в голосе, желаниях и мыслях масс, слышен голос частного человека.

В шестом параграфе исследован **мотивно-образный строй сборника «Завоюем мир!»**: выявлены основные образы книги переводов (леса, руки, птичьей стаи, сна, хлеба) и проанализирован механизм их создания. Ключевыми

становятся те образы, которые характерны для Бартеля и являются центральными как минимум для одного стихотворения в рамках сборника. Большинство из них близки и поэтической системе самого Мандельштама. При переводе Мандельштам добавляет отзвуки этих образов в некоторые тексты, где они в оригинале отсутствуют, что работает на укрепление внутренних связей между разными стихотворениями сборника. Мотивно-образная структура не повторяет систему тематических линий, а, скорее, встраивается в нее: почти все центральные образы входят в несколько линий книги.

Так, в лирике Мандельштама образ леса перерастает свое прямое значение и вплетается в лирические размышления о природе творчества, архитектуре и т.д. В сборнике переводов он также получает метафорические воплощения. Ключевое для образа леса в рамках военной линии стихотворение – «Поруганный лес». Бартеlevский оригинал состоит из двух самостоятельных частей, объединенных общим названием «*Verse an Russland*» («Стихи к России»). Мандельштам выносит в название стихотворения подзаголовок одной из них – «*Der geschländete Wald*» («Поруганный лес»), меняя тем самым акцентировку стихотворения. В начале текста лес выступает как природное пространство, в которой идет жестокий бой, развязанный немцами. Постепенно образ поруганного леса становится метафорой поруганного братства народов, разрушенного Первой мировой войной. Эта грань образа откликается в другом антивоенном стихотворении сборника, где также изображена битва между немецкими и французскими войсками – «Верден». Появление образа леса не мотивировано бартеlevским оригиналом: «*Verdun, deine Name brennt und brennt / Im Scheiterhaufen der Geschichte...*» [«Верден, твое имя говорит и горит / В костре истории...»] – «Верден, зачем позоришь нас / Бесчестишь лес, дорогу, камень...». Вводит его Мандельштам и в перевод «Песни девушки», где лес становится носителем памяти о погибших солдатах: «Лес шумит: / Сто тысяч мертвых, / Лес шумит: / Сто тысяч спят...», благодаря чему намеченная в «Поруганном лесе» связь между образом леса и темой бессмысленных убийств становится прочнее.

В рамках революционной линии образ леса в полной мере раскрывается в одноименном стихотворении, где он, сплетаясь с образом бури, становится символом революционности. Зарождение в лирическом герое, с детства работающем на лесозаготовках, любви к лесу, метафорически сравнивается с зарождением в человеке революционного порыва. В стихотворении «Гроза права» описание лесной грозы перерастает в описание революционной бури, в которое вплетается знакомая по «Поруганному лесу» и «Вердену» и усиленная Мандельштамом тема братства: «Брат-лес бытийствует, шумит...».

В рамках любовной линии лес становится природным пространством спокойствия и радости, служащим защитой влюбленным и ограждающим их от внешнего мира забот и труда (см. «Янтарных персиков румянец...», «Простерла руку жизнь над нами...»).

Значение ключевых образов определяется их ролью в революционной линии: каждый добавляет в нее определенный оттенок. Например, образ сжимающейся в кулак руки – это символ мощи нового политического движения, а образ весны приносит с собой мотив обновления через революцию и связывает происходящие в 1918–1919 гг. события с Мартовской революцией 1848 г.

В третьей главе («Закономерности семантических преобразований лирики Бартеля в переложениях Мандельштама») рассматривается поэтика переводов и организация сборника «Завоюем мир!» на микроуровне. Выделяется ряд семантических закономерностей, которым при переводе подчиняются смысловые изменения текста.

В первом параграфе рассматриваются **способы усложнения и обогащения бартелевской образности**. Можно выделить несколько приемов, к которым прибегает Мандельштам для того, чтобы сделать образный ряд более плотным и расширить возможности интерпретации. Во-первых, это замена однозначного эпитета усложненным, допускающим широкое толкование и дающим ощущение большей свободы при восприятии текста. К примеру, при переводе строк «Und mit falschem Wort, wie mit Messerstich / Meuchelten Freiheit und Recht...» («И ложным словом, как ударом ножа, / Предательски убивали

свободу и правду...») Мандельштам меняет эпитет «ложный» на «ржавый»: «И ржавое слово, как нож со спины, / Ударило тех, впереди...». Таким образом, с одной стороны, он сохраняет бартелевский смысл, а с другой, вписывает эпитет в образный ряд строки, так как «ржавый» вступает в семантическую связь не только со «словом», но и с «ножом». Во-вторых, это добавление элементов языковой игры, порожденной многозначностью выбранного при переводе слова/выражения. Например, строки «Sind wir in kühlen Wald versunken...» («Мы погрузились в прохладный лес...») Мандельштам переводит как «Мы ринулись в зеленый омут». Словосочетание «погрузиться в лес» у него перерастает в устойчивое выражение «ринуться в омут» (с головой), которое одновременно и передает смысл оригинала, и подготавливает читателя к восприятию следующей строки, описывающей горячие объятия возлюбленных «Сплетенье рук! Молчи! Молчи!». В-третьих, это создание нового фрейма («каркаса» определенной ситуации или образа), в рамки которого помещаются бартелевские стихи, благодаря чему переводной текст по сравнению с оригинальным обретает большую художественность и целостность. Например, Мандельштам подбирает «тюремный фрейм» для перевода строк «Warum ihr Leute, so elend und bang? / Der Winter zerstellte!» («Почему вы, люди, такие жалкие и боязливые? / Зима прошла!») – «Люди, ужели мир тесен вам? / Зимы распались цепи...». Поэт вписывает приход весны в ситуацию окончания тюремного заключения, которая на разные лады будет повторяться в книге. В-четвертых, это замена прямой констатации действия метафорическим намеком на него. Стих «Petrograd: die Schiffskanonen zielen scharf auf deine Türme...» («Петроград: корабельные пушки целятся прямо в твои башни...») в книге переводов звучит как «Петербург. Морских орудий / Вдоль Невы пируют жерла...». Вместо бартелевского детального описания военной угрозы у Мандельштама появляется образ смертоносного пира. В-пятых, это добавление в чересчур абстрактные образы Бартеля «акмеистической» конкретики. Строку «Moskau, goldnes Flügelschlagen...» («Москва, золотые крылья...») Мандельштам переводит как «Слышу шум грачей московских...». Умозрительный и из-за этого теряющийся образ Бартеля превращен

Мандельштамом в примету конкретного места. В-шестых, это обогащение бартелевского текста исторической лексикой, что переключает перевод в иной временной регистр и другую систему координат, соответствующую акмеистическим принципам диалога со всей мировой культурой. При переводе «Карла Либкнехта» Мандельштам неоднократно называет лидера Ноябрьской революции «молодым паладином», что совершенно не соответствует духу стихотворения Бартеля (в чем Мандельштама упрекала Запровская, один из рецензентов сборника), зато входит в резонанс с его поэтическим принципом диалога со всей мировой культурой.

Во **втором параграфе («Усиление «коммунистической» и «пролетарской» образности»)** обсуждается сгущение эпитетов, связанных с красным цветом, использовавшимся в большевистской символике. Например, обыгрывая морфемный состав немецких слов, Мандельштам переводит стих «Abendrot – Morgenrot» как «Вечер красен, заря красна». Здесь же рассматриваются случаи не мотивированного оригиналом включения в текст специфической лексики, обозначающей фабричные профессии (формовщик, литейщик).

В **третьем параграфе «Трансформация библейской образности»** намечены две основные группы случаев редуцирования образов, сопряженных с осмыслением христианства: тексты, из которых Мандельштам убирает образы, связанные с дьяволом и адом, и тексты, в которых содержится намек или прямое указание на молитвенное состояние человеческого духа. Например, строки «Millionen Herzen beten...» («Миллионы сердец молятся...») Мандельштам переводит как «Гул рыданий миллионных...».

В **четвертом параграфе «Система авторских приемов при русификации немецкого оригинала»** описаны приемы адаптации переводных стихотворений для русского читателя.

На **лексическом уровне** это касается включения в текст, во-первых, устойчивых эпитетов, сравнений, фразеологических оборотов, пословиц и поговорок, не имеющих однозначных соответствий в оригинале («Und jeder

donnert seinen Spruch...» («И каждый гремит своими словами...») – «И *крепкое* у всех *слово*...»), во-вторых, устаревших слов и церковнославянизмов («Er sah die Faust, in sich gespalten...» («Он видел кулак, в себе расколотый...») – «Он видел *длань* в самозабвенье...»), в-третьих, окказионализмов, понятных только носителям языка («безлюбый»: «Я кричу иступленно в безлюбую ночь...»).

На **уровне образов** эта тенденция предполагает включение в ткань бартелевского текста славянской фольклорной образности. В переводе стихотворения «Верден» вне связи с оригиналом возникает образ «хороводом несущихся времен года».

На **уровне аллюзивных связей** тенденция проявляется в отсылках к классической и современной русской литературе (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, Б. Л. Пастернак).

Отчетливо слышны обертоны стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» в переводе стихотворения «Проснулся день, враждебный музыке и снам». Общее сходство сюжетных ситуаций уже придает стихотворению лермонтовский колорит, который Мандельштам усиливает, переводя слово «Sternen» (звезды) как «млечный путь», а к образу земли добавляя космический оттенок: «Und sich im Rhythmus um die Erde schlingt...» («И ритмично обвивается вокруг земли...») – «Ритмичной лентой обвивают шар земной...».

В **пятом параграфе «Ключевые образы поэзии Мандельштама в переводах из Бартеля как залог целостности сборника»** предложены подступы к классификации пересечений собственной лирики и переводов. Это касается переключек со стихотворениями, в которых отражаются впечатления от революции, появления в переводах характерных для поэтики Мандельштама мотива «питья воздуха» и образа современника, а также проникновения в переводы ключевой для немецкой темы у Мандельштама органной образности.

В переводе «Люблю внимать среди грохота и теми...» знаково присутствует слово «современник», явно пришедшее из собственного стихотворения Мандельштама «Нет, никогда ничей я не был современник...», написанного за несколько месяцев до получения заказа на перевод Бартеля. Слово

«современник», в 1920-е гг. «торчащее отовсюду», в сознании поэта было связано с новой эпохой. Этим объясняется его появление в переводном стихотворении, где лирический герой пытается уловить признаки прихода нового мира: «Под купол твой лазорево-грозовый / Челн современника скользит...».

Таким образом, Мандельштам подвергает тексты Бартеля творческому переосмыслению, проецируя на них собственную манеру письма, с одной стороны, и наполняя их образностью, близкой носителю русской культуры, с другой, что соответствует мандельштамовским теоретическим размышлениям о переводе.

В Заключении сформулированы основные итоги работы.

Поставленные в диссертации цели обусловили логику движения исследовательской мысли. С помощью историко-литературного подхода были реконструированы исторические, личные и творческие обстоятельства, в которых была создана книга переводов «Завоюем мир!». При исследовании же сборника как художественного целого мы обратились к компаративному подходу и подходу Тарановского-Ронена, а также представлению о поэтике Мандельштама как семантической парадигме. Мандельштамовские методы работы над сборником были предопределены его пониманием фигуры переводчика – толкователя и адаптатора иноязычного текста. Русский поэт составил сборник избранных стихотворений Бартеля, сформировав в нем ряд тематических линий, переплетающихся между собой и объединяющихся в органическое единство. Также на целостность сборника работает его мотивно-образный строй. Все ключевые образы входят сразу в несколько тематических линий, и таким образом скрепляют их. При переводе стихотворений Мандельштама прослеживается ряд закономерностей, во многом подсказанных его собственной художественной системой. Это делает сборник «Завоюем мир!» частью творчества Мандельштама. Благодаря методике анализа, выработанной нами в диссертации, подобному изучению могут быть подвергнуты и другие переводческие работы Мандельштама.

Основные положения диссертационного исследования изложены автором в следующих статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, утвержденных ВАК РФ:

1. Бассель, А. В. Кулак и длань. О переводах Осипа Манделъштама из Макса Бартеля / А. В. Бассель // Новый филологический вестник. – 2015. – № 34 (3). – С. 119-139.
2. Бассель, А. В. „Petersburg“ Макса Бартеля и «Петербург» Осипа Манделъштама / А. В. Бассель // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – № 4. – С. 141-163.
3. Бассель, А. В. О переводах Осипа Манделъштама из Макса Бартеля / А. В. Бассель // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. Т. 5. – № 67. – С. 47-52.
4. Бассель, А. В. Стихотворный текст как симфония киноприемов (Экспериментальный анализ стихотворения О. Э. Манделъштама «К немецкой речи») / А. В. Бассель // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика. – 2015. – № 2. – С. 73-85.
5. Бассель, А. В. Исход в чужую речь. История и опыт интерпретации стихотворения О. Э. Манделъштама «К немецкой речи» / А. В. Бассель // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 63(1). – С. 32-38.

В других изданиях:

6. Бассель, А. В. Побег из родного языка. «К немецкой речи» Манделъштама: история и опыт интерпретации. / А. В. Бассель // Wiener Slawistischer Almanach. – 2015. – № 76. – С. 203-214.